

ЗВУК И СМЫСЛ В ЯЗЫКЕ И В МУЗЫКЕ

Шишляникова Н.П.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. РФ

В качестве основного феномена культуры язык выполняет множество ролей: язык – конструкция и система знаков; язык – социальная память; язык – образ народа, говорящего на нём и др. В процессе эволюции человека язык и музыка выполняют специфическую роль, будучи от природы звучащими, аудиальными формами культуры.

Язык, как и музыка, это синтез звука и мысли, одновременно природное и общественное образование. На это указывает известный учёный-лингвист А. А. Потебня: «Звук как внешняя форма слова не есть звук как материал, но звук, уже сформированный мыслью» [5, с. 84]. Феномен языка, образующийся в результате соединения звука и мысли, характеризует все без исключения языки мира.

Р. Р. Кушмина в работе, посвященной исследованию языка и музыки, подчеркивает: «Смысл лучше всего воплощается в языке, так как он может и переживание (ощущение) сделать понятием через знак. Однако содержание этой сферы сознания может выражаться и в невербальной форме, а также средствами искусства» [2, с. 115].

Музыка в энциклопедическом словаре определяется как «...искусство интонации, художественное отражение действительности в звучании, организуемом в высотном, временном, тембровом, ритмическом и др. отношениях (в отличие от словесной речи, в которой звуки организованы главным образом в артикуляционном отношении...). [4, с. 359].

Таким образом, музыкальный звук, как и звук речи, – это не только акустическое явление, но и средоточие смысла. Музыкальная интонация может сразу нести в себе все слои значения. Звук как членораздельный элемент произносимой речи и звук музыкальный как наименьший структурный элемент музыкального произведения, имеющий определенную

высоту, громкость, длительность и тембр, – производные от человека. Он, человек наполняет звук смыслом. Звук не задан музыке, а создан ею. «Музыку можно рассматривать как историю обретения звуком художественных качеств», – пишет Т.В. Чередниченко [8, с. 29].

Сущность музыки в том, что она артикулирует формы, которые не может сформулировать язык. Музыка не воспроизводит материальный мир, а конструирует переживание бытия человеком. Именно в этом заключается ее выразительная сила. Язык вербален, музыка – нет. Ни одна другая форма искусства не дает такой свободы эстетического наслаждения, как музыка. Именно поэтому музыка имеет широкий горизонт интерпретаций.

В языке же на первом плане – лексика. Только очень большим художникам слова удастся истолковать смысл и генерировать его на том же высоком эстетическом накале, на каком всегда говорит композитор со слушателем. Для говорящего, всегда находящегося в коммуникации, на первом месте по значимости находится концептуальный компонент (на фоне эмоционально-экспрессивного плана). В музыкальной сфере возможно детальное описание переживаний человека, но это всегда вторично по отношению к непосредственному переживанию. «Если язык в принципе всегда и всё обобщает, и понятие тяготеет к значению, то музыка легко передает ... образ-смысл на уровне представления. В ней доминирует тяготение к переживанию» [Р.Р. Кушмина. 2, с. 126–127].

Учение о звуке, звуковой основе музыки и слова восходит к древним истокам. В Новом Завете (Евангелие от Иоанна) говорится: «В начале было **Слово**, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1). Очевидно, что под библейским «Слово» подразумевается звук, проявленный в слове, который трактуется как основа сущего.

Индийский философ и музыкант Х. И. Хан, обращаясь к древним писаниям Веданты, Библии, Корана, называет «слово-звук» **вибрацией, движением**, которое проявляется для человека через зрение и слух. **Звук и цвет**, по его утверждению, два аспекта мироздания, явления одного порядка. Началом

всего видимого и всего слышимого является вибрация, движение. Вибрация с определённой скоростью и частотой рождает звук, улавливаемый слухом, она же, вибрация, рождает свет и цвет, улавливаемые зрением» [7, с. 163,165].

Звук, имеющий волновую природу, чтит закон времени. Различие между звуками окружающего мира и звуками музыки, литературной, поэтической речи состоит в том, что последние призваны создавать гармонию и красоту окружающего пространства. Если учитель, обучая школьников родному языку или музыке, хочет познать природную силу их воздействия, приблизить учащихся к таинствам звуков речи, равно как и музыки, он должен понимать *резонансную природу звука* и основные закономерности воздействия звука на человека, учитывая, что «среди ассоциативных образов именно звук является ведущим», по мнению философа И. А. Герасимовой [1, с. 95].

Резонанс (от лат. «resono» – звучу в ответ, откликаюсь) – явление, исходящее из физической (акустической) природы звука. Музыковед В. В. Медушевский расширяет понятие резонанса применительно к музыке как звуковой форме выражения смысла, которая не имеет явного, определенного значения: «Эти неявные значения не соприкасаются непосредственно со звуковой формой, а резонансно возбуждаются художественным миром произведения...» [3, с. 152]. Французский философ и музыкант Д. Радьяр уточняет: «Резонирование – не отражение. Отражение – простая способность сознания принимать информацию. Резонирование – ...тончайшая способность реагировать на малейшие изменения в целом» [6, с. 198].

Музыка – это, прежде всего, *звук, тон и ритм*, организованные во времени, как и речь в языке, где существуют специальные грамматические средства для создания образа времени (глаголы прошедшего, настоящего и будущего времени). У музыки есть коммуникативная функция и средства для ее реализации, когнитивная функция (симфония всегда выходит на уровень образа-бытия). Но на первом месте в музыке всегда стоит модальная функция, передающая изменчивость, становление бытия во времени и движении.

Другое фундаментальное выразительное средство музыки – ритм, который

всегда сохраняет психологическое влияние на человека. Понимание глубинных свойств звука, тона и ритма позволяет педагогу использовать музыку как источник и способ воздействия на внутренний мир ребенка, утончения его чувств, духовного возвышения. Музыка удерживает ум в концентрации; она сама является наилучшим способом концентрации внимания, гармонизации тела, сознания и души благодаря ее способности вызывать резонанс в организме, что с успехом используется не только в музыкальном образовании, но и при обучении первоклассников звукам и буквам.

Например, знакомство со звуком и буквой [ж] начинается с прослушивания музыкального фрагмента «Полет шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. По ассоциации с жужжащим звуком в воображении детей возникают образы разных насекомых, среди которых они выбирают шмеля, аргументируя выбор тем, что звук стремительный, плотный, насыщенный. По заданию учителя «жужжат», подражая шмелю, показывают, как он летает (создают пластический этюд), на листочках изображают направление полета и обнаруживают сходство с написанием буквы [ж], обозначающей этот звук. Далее организуется традиционная работа: обозначение звука схемой, звукобуквенный анализ слов, чтение слогов и слов, предложений.

На данном примере показано, как музыка явилась побудительным ассоциативным стимулом для возникновения познавательного интереса детей к обучению языку, способствовала прочувствованию и осмыслению связи звука с написанием буквы, т.е. осознанному знанию, которое дети открыли для себя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Герасимова, И. А. Музыка и духовное творчество // Вопросы философии – 1995. – № 6. – С. 87 – 97.

2. Кушмина, Р. Р. Язык и музыка как смыслообразующие звуковые формы культуры: диссер канд. философ. наук. – Казань, 2004.
3. Медушевский, В. В. О содержании понятия «адекватное восприятие» // Восприятие музыки: Сб. статей. – М.: Музыка, 1980. – С. 141–155.
4. Музыкальный энциклопедический словарь / Главный ред. Г. В Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык // Слово и миф – М., 1989.
6. Радьяр, Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. – М.: Ваклер, 1995. – 305 с.
7. Хан, Хазрат Инайят. Мистицизм звука. Сборник. – М.: Сфера, 1997. – 336 с.
8. Чередниченко, Т.В. Музыка в истории культуры. Выпуск первый. – Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994. – 218 с.